

ПСИХОЛОГИЯ

Е.А. Жесткова

Приемы психологического анализа в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (на примере образа Иоанна Грозного)

В центре внимания «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина – драма личности, структура ее сознания, раскрытие психологических особенностей характера. Наиболее ярко это проявляется в VII–IX томах, в повествовании об Иоанне Грозном, образ которого привлекал художника своей многогранностью и загадочностью.

В IX томе Карамзин писал: «Несмотря на все умозрительные изъяснения, характер Иоанна, Героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка» [1, с. 303]. Писатель сравнивал Грозного с Калигулой, Нероном, Людовиком XI, называл его тираном, извергом «вне законов, вне правил и вероятностей рассудка». В то же время он признавал, что «Иоанн в самых крайностях зла являлся как бы признаком великого монарха», был «ревностный, неутомимый, часто проницательный в государственной деятельности», «любил правду в судах», «не любя смелой укоризны... не любил иногда и грубой лести», «изъявлял уважение к искусствам и наукам», «способствовал народному образованию размножением школ церковных», в конце концов остался «знаменит в истории как законодатель и государственный образователь» [1, с. 510]. Автору важно подчеркнуть и противоречивость природы царя: его герой «имел разум превосходный»,

чтобы «бесстыдно раболепствовать гнуснейшим похотям», «имел редкую память... чтобы нелепо толковать их в пользу тиранства», «хвалился твердостью и властью над собой, умея громко смеяться в часы страха и беспокойства внутреннего», «хвалился правосудием, карая... заслуги и преступления», «хвалился духом царским... велел изрубить... слона, не хотевшего встать перед ним на колена», «хвалился... глубокою мудростью государственною... истребляя знаменитые роды» [1, с. 303]. Карамзин сравнивает своего героя с ужасным метеоритом, блудящим огнем необузданных страстей, поэтому и стремится разобраться в «великом характере», делает попытку раскрыть глубину сознания Иоанна.

Автор пытается психологически точно изобразить реального исторического деятеля. Он описывает весь путь Иоанна – от благонравия до неожиданной одержимости страстями; Грозный становится рабом своих ничем не оправданных порывов злобы, жестокости, свирепой подозрительности. Царь должен служить исполнителем воли Провидения, Иоанн IV же исполняет лишь свои прихоти, ставя их выше дарованной высшим разумом мудрости.

В «Истории государства Российского» царствование Иоанна IV делится на два периода: до ужасной перемены и после нее. Карамзин изображает «юного, тридцатилетнего Венценосца как пример монархов благочестивых, ревностных ко славе и счастью Государства» [1, с. 297]. «Ласковый к Вельможам и народу», он царствует, «любя, награждая всех по достоинству – щедростию искореня бедность, а зло примером добра!» [1, с. 297].

Карамзину важно показать героя в разных ситуациях, в каждой из которых он высвечивает какую-либо одну, наиболее ярко проявляющуюся черту.

«Не вдруг, конечно, рассвирепела душа (*Иоанна*. – Е. Ж.), некогда благолюбивая: успехи добра и зла бывают постепенны; но Летописцы не могли проникнуть в ее внутренность, – сето-

вал Н.М.Карамзин, – не могли видеть в ней борения совести с мятежными страстями: видели только дела ужасные...», эту борьбу удалось изобразить самому Карамзину [1, с. 304].

По словам Карамзина, Иоанн «родился с пылкими страстями, с умом еще более острым, нежели твердым и основательным».

Будущий государь получил худое воспитание. Этот факт имеет большое значение в психологическом плане: им во многом обусловлен образ мышления Иоанна, подготовлено и усилено его болезненное душевное состояние. Иоанн, страстный, самолюбивый от природы, не принимал прямодушия со стороны своих наставников, ибо видел в этом грубость, а вместе с ней оскорбления для монарха. Юного государя воспитывали в «умеренном» счастье, в физических наслаждениях. Тринадцать лет жизни Иоанн провел в ревностном исполнении «святых царских обязанностей» как свидетельство неизменной верности в любви ко благу [2, с. 299].

В анализе обстоятельств, вызвавших перерождение «царя правды, блага, славы» в мучителя, упор писателя сделан на раскрытии подлой роли «новых любимцев государевых», готовых на все для удовлетворения своего честолюбия. «Порок ведет к пороку», – заявляет Карамзин. Находясь в таком окружении, Иоанн пал в любово-страстие, искал грубых временных предметов в удовлетворении грубым вожделениям чувственности. С «легкой» руки Карамзина, в отечественной науке и литературе надолго утвердилось мнение о внезапности и загадочности «ужасной перемены в душе царя и в судьбе царства» [2, с. 217].

Автор делает акцент и на изменении внешнего вида, порожденном необузданностью и пагубностью страстей монарха.

Так, в начале повествования писатель говорит: «вид его (Иоанна. – Е. Ж.) изумил... Он был велик ростом, строен; имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные

волосы, длинный ус, нос Римский, глаза небольшие, серые, но светлые, пронизательные, исполненные огня...» Позднее «он так изменился, что нельзя было узнать его: на лице изображалась мрачная свирепость; все черты исказились; взор угас; а на бороде и в голове не осталось почти ни одного волоса, от неизъяснимого действия ярости, которая кипела в душе его» [2, с. 333].

В «Истории» Иоанна Грозного мучают сомнения; голос совести неумолимо тревожит душу, герой признается в неправедности своих государственных деяний, поэтому в его речах и поступках прорываются покаянные мотивы.

«Любопытно видеть, как сей Государь, до конца жизни усердный читатель христианского Закона, хотел соглашать... Божественное учение с своею неслыханною жестокостью», – с болью и сердечным сожалением писал Карамзин [1, с. 108].

Противоречивость натуры Иоанна Грозного ставила перед писателем ряд существенных вопросов: религиозен ли герой в полной мере либо его вера – фарс, помогающий управлять подданными, а также оправдывать беззакония, деспотизм. Карамзин умышленно не избегает в своем произведении описания поступков героя, характеризующих неоднозначность, двойственность его личности.

В VIII томе автор рассказывает о ревностной деятельности в правлении Иоанна IV, акцентируя внимание читателя на том, как царь с молитвой ко Всевышнему, со словами любви, терпения, искренности и великодушием обращается к народу, взывая его умиление и поддержку. Грозный стремится верою утвердить «перемену в правлении и в своем сердце», он показан человеком, который чтит Законы Мироздателя, умиленно каюсь в своих грехах. Правилами царской власти называется «мудрая умеренность», «человеколюбие, дух кротости и мира».

Карамзин обращает внимание и на то, как молится Иоанн: «... царь пел, читал, молился столь ревностно, что пот катился с

лица его... что на лбу всегда оставались у него кровавые знаки крепких земных поклонов...» [1, с. 338]. В то же время автор обвиняет Иоанна в глумлении над «церковью Христовою», в том, что он «хотел даже обратить дворец в монастырь, любимцев своих в иноков: выбрал из опричников 300 человек, самых злейших, назвал братиею, себя игуменом... дал им тафьи, или скуфейки, и черные рясы... сочинил для них устав монашеский... в четвертом часу утра он ходил на колокольню... благовестить к Заутрене...» [1, с. 312].

В этих словах содержится укор безрассудству Иоаннова поведения, которое не поддается никакому объяснению. Карамзина пугают «затейливые повороты» ума героя. С болью писатель рассказывает о трапезах в монастыре: когда братья «ели и пили досыта», царь читал «вслух душеспасительные наставления». У Карамзина эти зрелища вызывали ужас.

Писатель стремится раскрыть все стороны неоднозначной натуры царя, показать как положительное, так и отрицательное в ней. Он отмечает, что Иоанн Грозный изъявляет «усердие ко благу церкви», что «обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым перед Богом». Автор «Истории» обращает внимание на то, что Иоанн ходил пешком зимою в Троице-Сергиеву лавру, проводил там первую неделю Великого поста, «ежедневно моляся над гробом Святого Сергия». Однако его набожность не сдерживает кровожадные инстинкты царя, не может «укротить его пылкой, беспокойной души, стремительной... приученной к шумной праздности, к забавам... неблагочинным». Иоанн «любил показывать себя царем» «в наказаниях, в необузданности прихотей»; «играл, так сказать, милостями и опалами» [1, с. 187].

Точности психологической характеристики автор достигает употреблением оговорки «так сказать», которая во многом объясняет поступки монарха.

Автор произведения уподобляет гнев Иоанна раздраженному Божеству, «пред коим надобно только смиряться» [1,

с. 145]. Именно поэтому и приводится пример «омрачения добродетели в самом светлом источнике» [1, с. 346].

Интересно наблюдать, как в поступках Грозного одно действие перерастает в другое: строгость – в произвол и жестокость, свирепость – в кровопролитие.

Все более углубляясь в образ Иоанна Грозного, Карамзин усиливает противоречия и сложности внутреннего мира героя. По мысли писателя, человеческая душа во многом необъяснима, загадочна. При изображении психологических состояний и процессов постоянно подчеркивается непредсказуемость, сложность характера царя, именно поэтому для «Истории» типичны оговорки: слова «как будто», «как бы», «какое-то», «казалось», «словно», «почти»: «Грозный владыка, как бы смягченный смирением...», «казалось, что ему не легко было увидеть сие позорище...», «... Иоанн, кажется, не видал, не угадывал великих для себя опасностей», «... желал как бы удалиться от царства...», «казалось, что сие ужасное зрелище забавляло его», «казалось, что сам Иоанн внимал с умилением гласу наставника...» Такой прием придает картине внутреннего мира нечеткость, зыбкость; введением этих конструкций Карамзин намекает на то, что внутренне состояние героя значительно сложнее, чем можно передать точными словами, что оттенки чувства и состояния можно обозначить лишь с известной долей приближения.

В последних главах «Истории» Карамзина передаче психологических переломов иногда сопутствует слово «вдруг», так как сами изменения душевного состояния внезапны и необъяснимы: «... и вдруг... царь едет неизвестно куда», «... вдруг отвергал яства и пития, оставлял пир, громким кликом сзывал дружину, садился на коня и скакал плавать в крови», «не видя ни тени сопротивления, ни тени опасностей для мучительства... Иоанн вдруг уничтожил ненавистную опричнину...» Писатель в данном случае намекает на существование неких темных глубин в душе Иоанна, объяснить которые порой очень сложно.

Писатель стремится к тому, чтобы каждый элемент внутренней жизни был обозначен словом предельно точно, он чрезвычайно внимателен к нюансам чувств и переживаний. Из стремления к максимальной словесной точности в психологических описаниях Иоанна Грозного появляется множество синонимов; их значения дополняют и уточняют друг друга, создавая более ясное представление о сущности монарха: «благочестивого», «мудрого», «ревностного», «чистого пред Богом», «добродетельного», «щедрого»; «недовольного», «гневного», «жестокого», «мстливого». Так, на первых страницах IX тома, описывая постигшие Москву ужасы, Карамзин дает целый ряд синонимических определений царствованию Иоанна, которые несут с нарастающим эффектом психологические особенности ситуации: «страх», «ужас», «гнев», «мучительство», «душегубство», «тиранство».

Иоанн показан одержимым на злодейство, он никак не реагирует на смерть близких ему людей, больше не чувствует боли, сострадания. По словам Карамзина, Грозный превзошел всех предшественников в мучительстве и издевательствах над людьми.

Историограф сравнивает государя и народ: там, где он гневен, народ терпелив; где царь малодушен, там подданные поражают героизмом (как, например, в сцене пожара Москвы 1571 года); где военная твердость отказывает Иоанну, там простые воины, чьи имена история не сохранила, «ужасаясь мысли отдаться неприятелю, повесились на своих орудиях» [1, с. 169].

Вероятно, не без умысла Карамзин изображает сцену, где юродивый угощает в великий пост Иоанна куском кровавого мяса, говоря при этом: «ты... питаешься человеческою плотью и кровью, забывая не только пост, но и Бога!» Карамзин приводит и такой факт: хранитель государевой печати Иван Михайлович Висковатый, обвиненный в таких преступлениях, как замысел на жизнь царя, измена, стовор сразу с крымским ханом, турецким султаном и литовским королем, во время

оглашения приговора заявил: «Я всегда служил верно царю и Отечеству. Слышу наглые клеветы; не хочу более оправдываться, ибо земной судия не хочет внимать истину, но Судия небесный видит мою невинность, и ты, о, государь, увидишь Всевышнего!» [1, с. 118].

На фоне образа Иоанна особое значение придается похождениям разбойных казаков во главе с атаманом Ермаком, Иваном Кольцо, Яковом Михайловым и другими. «Вольные люди» завоевывают Сибирские земли, устраняя угрозу со стороны сибирских татар. Интересно, что Ермак в определенном смысле антипод Иоанна IV: умный, грозный, сильный воин, строгий судья недобросовестных, следовавший за богопослушностью своего войска, милостивый к побежденным. Практически, если принять версию о «народном» происхождении Ермака, перед нами – противоположность Грозному. Более того, Карамзин размышляет над вопросом: почему, завоевав Сибирь, Ермак сам не стал Царем Сибирским? Во-первых, малочисленность войска и необходимость сильной помощи; во-вторых, незавершенность завоевания: «Ермак опасался преждевременно хвастаться в России успехом». И все же, опираясь на документ, останавливается на следующем: «бедные, опальные казаки, угрызаемые совестью, исполненные раскаянием, шли на смерть и присоединили знаменитую Державу к России, во имя Христа и Великого Государя». Следовательно, казаками также движет глубоко заложенное осознание необходимости самодержавия [1, с. 23].

Для Карамзина государственные добродетели монарха находятся в прямом отношении к понятию «народной добродетели». Говоря о царствовании Иоанна IV, писатель отмечает: «Нигде и никогда грозное самодержавие не предлагало столь жестких искушений для народной добродетели, для повиновения» [1, с. 306].

Одно из центральных мест в исторической концепции Карамзина занимала мысль о рабском терпении наро-

да: «Таков был Царь, таковы были подданные! Ему ли, им ли должны мы наиболее удивляться? Если он не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть Государеву властью Божественною и всякое сопротивление беззаконием; приписывали тиранство Иоанново гневу Небесному и каялись в грехах своих...» Иоанн Грозный, сторонник и идеолог «православного истинного христианского самодержавства», настойчиво проводит мысль о том, что Бог повелел царю «владети» царством и его «строить», то есть быть владыкой над подданными и направлять свою власть на государственное устройство. Подобное понимание царского предназначения появилось под влиянием церковно-политического течения иосифлянства.

Иоанн Грозный превращает идею о его спасительности в обоснование всех своих последующих действий. «Я же усердно стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы познали единого истинного Бога, в Троице славимого, и данного Богом государя...», – пишет он своему оппоненту [1, с. 367].

Карамзин строг к своему герою, он не принимает подобной теории, но пока еще ему хочется верить в нравственное «исправление» Грозного, его «решительного возврата к добру». Однако, по мнению писателя, правосудие не может ждать, оно карает бесчеловечных [1, с. 467].

Автор «Истории государства Российского» создает картину Небесного возмездия царя. Грозный убивает старшего, любимого сына Иоанна.

Важно то, что царевич – копия отца: он «сластолюбствовал», «губил людей как бы для того, чтобы... Россия не могла ждать ничего лучшего от наследника», «оказывал ум в делах и чувствительность ко славе или хотя бы к бесславию отечества», но самое главное – изъявлял «страшное в юности ожесточение сердца». Единственное, что его отличает от родителя – благородная ревность к судьбе России. Но «восстановить честь» страны он так и не успел: отец, узрев в помыслах сына

предательство, «острым жезлом... сильно ударил... царевича в голову» [1, с. 467].

С беспощадностью описывает Карамзин состояние Грозного после самого факта убийства. Писателя пугает, как быстро «исчезла ярость Иоаннова». Поборов в себе бесовское влияние, герой пытается опомниться от совершенного им злодеяния: «побледнев от ужаса, в трепете, в исступлении... воскликнул: “Я убил сына!” – и кинулся обнимать, целовать его; удерживал кровь... плакал, рыдал... молил Бога о милосердии, сына о прощении», «сидел неподвижно у трупа без пищи и сна несколько дней», «в виде простого, отчаянного грешника... бился о гроб и землю с воплем пронзительным», «несколько времени он тосковал ужасно; не знал мирного сна». Но, по мнению писателя, душевное волнение Иоанна явилось «пределом во зле», за которым нельзя усматривать «истинного раскаяния», а доказательство тому – быстрое душевное успокоение Грозного, который возобновил как празднества во дворе, так и казни воинских людей.

Мастерски описывает Карамзин торжественный час смерти Грозного царя, «желанный для человечества, но страшный для воображения»: тиран умер, как жил – губя людей.

Перед нами еще не старый, крепкий сложением, бодрый духом Иоанн. Он вовсе не думает о приближении конца своего земного существования, потому борется с болезненной томностью, одолевавшей его уже несколько лет. Но угрызения совести за «трепет гнева и боязни», «злобу бессильную в неудачах оружия», «адскую казнь сыноубийства» не могут успокоить душу героя [1, с. 506].

Карамзин обращает внимание на то, что все граждане Москвы, опальные, вдовствующие, сироты, с христианской любовью молились о душе венценосца, забыв о его свирепости, злобе, в то время как двор «лицемерно... печалился» об умирающем [1, с. 507].

Но силы постепенно оставляли «недужного», «мысли его омрачались», «вдруг упал и закрыл глаза». Ни вселенская молитва, ни любовь подданных не помогли Иоанну Грозному продлить земную жизнь. Он отправился в далекий путь, чтобы ответить пред Богом за содеянное зло.

Иоанн IV, названный еще при жизни Грозным, тихо был принят землей навеки. Он вошел на престол спокойно, с открытым сердцем, так же тихо ушел, но уже одолеваемый муками совести.

Карамзин выстраивает на основе фактов правления Грозного четкую линию повествования, своеобразный сюжет, наполненный множеством неожиданных поворотов действия и характеров; заметна попытка автора проникнуть не только в суть самого явления тирании, но и уловить причины обращения добродетельного монарха в деспота через личность Иоанна-человека.

В «Истории государства Российского» не просто воспроизведены эпоха и личность Иоанна IV, Карамзин часто прибегает к художественным приемам воссоздания образа царя, дабы «произвести впечатление». Писатель вызывает сопереживание к судьбе царя, он не судит героя, а проникает в его внутренний мир, чтобы почувствовать глубину падения, греховность самодержца.

Список литературы

1. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 12 т. Т. IX. М.: Ринод классик, 2001.

2. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 12 т. Т. VIII. М.: Ринод классик, 2001.